
Павел ВЯЛКОВ

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ПЕРСИДСКОЙ КНЯЖНЫ

Рассказ

Пролог

Он мирно сидел в лодке и ловил рыбку, и ничто в то раннее весеннее утро не предвещало грозных событий, которые черной тучей уже всю собирались за его спиной. Гроза шла с севера, против течения Волги и набирала обороты, всасывая в себя все новые и новые силы. Люди попадали в этот водоворот событий, не в силах им противостоять.

Ему в тот день исполнилось двадцать, а он ничего в жизни не достиг. Ни отца, ни матери, ни двора, ни кола: «Сиротой в этот мир пришел, сиротой из него и уйду... — думал он, таская на удочку одну стерлядь за другой. — У меня даже нет денег, чтобы купить себе невод и поймать нормального осетра или севрюгу... И что я в этой жизни делаю? И что я в этом мире забыл? Вот бы податься куда-нибудь в иные места, в иные миры ... к звездам, например...» Не успел он подумать о звездах, как кто-то сзади набросил на него сеть, и она, рванув его в сторону, потащила за собой по речным волнам. Рыбак сам оказался кем-то пойманным.

Когда его извлекли из воды и грубо выбросили на палубу, он смог отдышаться и выплюнуть изо рта речную муть, которой он нахлебался. Над ним склонилась чья-то бородатая рожа и спросила его, кто он будет.

— Рыбак... — растерянно отвечал наш рыбак, беспомощно барахтаясь в воровских сетях.

— Точно! Это Пашка с Болды, по кличке Пахан! — признал его кто-то из ватажников. — Свой правильный пацан...

— Выбери: или с нами за зипунами, или за борт рыб кормить...

Пойманный ворами в их воровские сети трезво рассудил, что рыб кормить ему не с руки, и тут же записался в волжское казачество. Поздно отпираться, когда тебя уже захомутали...

По пути к взморью казаки сетями поймали и вытащили к себе на палубу еще пару таких же, как и он, незадачливых рыбачков. И всем предлагали на выбор — идти за зипунами или рыб кормить... Отказавшихся не было. Все выбирали зипуны. И понятно, для нищebroда не до идеализма, а как бы выжить любой ценой! В последнем случае наш Пашка помог даже забрасывать казакам сети, поскольку уже почувствовал

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук.

себя вольным казаком. Так, под его знамена, помимо казацкого сословия, собрались все ярыжные люди волжского понизовья: чернорабочие, грузчики, бурлаки, гребцы на речных судах, беглые холопы, кабацкая голь.

Всеми заправлял атаман, которого все уважительно называли Степаном Тимофеевичем, был он из донских казаков. Много курил и пил, но пьяным бывал редко. Зато насчет красного словца был Мастером с большой буквы. Но всегда по делу, понапрасну свой дар красноречия не тратил. Экономный был, гад.

Над вольной рекой Волгой в разные стороны раскатом зазвучал знаменитый разбойничий клич: «Сарынь на кичку!» И все торговые суда задрожали и понесли свою дань.

В воровской ватаге все было четко и отлажено — не забалуешь! Пашку, поскольку он знал грамоту, определили писарчуком: строчки ровные, буквы полные. А через неделю подфартило: по пьяни утонул завхоз-счетовод, и атаман самолично доверил ему всю их ватажную бухгалтерию: выпили, закусили, ударили по рукам...

— Ежели обсчитаешь, повесим! — благословил он его на ответственный пост.

Вырвавшись на раскаты, казаки радостно вострубили и забили в бубны и барабаны — воля вольная, Хвалынское море-озеро, но для них оно было целым океаном.

* * *

Зимовала казачья ватага на Яике (Урале) в захудалом казацком городишке. Скучнейшее зимовье, единственным развлечением которого были охота — травили зайцев и местных лисиц. Зато по весне все были в мехах, с мечтами о шелках. Даже находившийся при атамане его походный «скоморох» Филька не веселил уже никого своими песнями да плясками.

Как-то вечером атаман призвал к себе своего друга детства цыгана (по кличке Цыган), который разложил перед ним веером колоду карт и начал что-то очень важное обсуждать.

— Нечего нам здесь прозябать в безделье! — сетовал после этого совещания атаман. — Надобно и о будущем лете подумать! Пошлем Корнея в разведку! Он смысленный, ох, и прыняра! Пушай разведает все: что да как у персов... Вслепую идти опасно... Какой-то крестовый король мне постоянно дорогу перебегает...

Весной ветер надежд наполнил ушкуйные паруса, и ладьи понесли вольных казаков за добычей на манящей своим богатством каспийский юг.

И теперь уже восточные купцы услышали молодецкую «Сарынь на кичку!». Правда, по первой им пришлось объяснять через толмача, что это значит. Но зато когда они вразумили, дело пошло как по маслу...

Как-то поутру Пашка-счетовод пришел к атаману, чтобы подписать одну важную бумажку.

— Что это? — глянув в нее, не разобрался спросонок атаман.

— Акт списания на потраву... — объяснил ему счетовод. — Вчера вечером одну ладью потопили с добром казенным! Велел утопленное поднять, да там глубины большие... Море все-таки... Ты как знаешь, а у меня дело учет и точность требует... Подписывай...

— А не засиделся ли ты, любезный, на этой работе? — подписывая его бухгалтерию, поинтересовался у него атаман. — Не закопался ли ты в бумагах...

— Честно? Чернила эти мне уже поперек печенки встали! — признался ему Пашка. — Все ребята на приступ идут, а я доход и расход подсчитывай...

— Есть мнение употребить тебя в разведке... — предложил ему атаман. — Корней пропал... С самой зимы ни слуху ни духу... Решили тебя заслать в стан врага... Ты парень смышленьый, справишься...

Атаман вновь призвал Цыгана, и тот снова взялся за свои замусоленные карты.

— Вот видишь, — показал он им червоного короля в восточном тюрбане на голове, — это Мамед-хан Астаринский, наместник Астрабада, наш главный противник... Он сейчас собирает огромный по здешним меркам флот, что-то около шестидесяти судов, с пушками и с ратными людьми... В открытом бою нам его не одолеть... Их в три-четыре раза больше будет... Поэтому мы его должны бить своими тузами и козырями... — Он достал из рукава несколько запасных тузов и джокера...

— Это как? — усмехнулся будущий разведчик. — Так разве можно?

— А кто сказал, что мы должны играть по каким-то правилам? Наша задача его перехитрить... Нас мало, их много, они у себя дома, мы — у них в гостях... Да и гости мы незваные и нежеланные! Ты, подумай, Пахан, что можно сделать, когда имеешь таких тузов? — задал Цыган вопрос и сам постарался на него вразумительно ответить.

Пашка слушал и понимал, как на самом деле цыгане воруют лошадей. Карточный мастер доходчиво объяснил новичку, по каким правилам играют в политические карты и что от него требуется в сложившихся условиях.

— В поддавки играть не будем... — заверил его Цыган. — И дурака лепить тоже не станем... Раскатаем покерок с элегантным блефом... Или предпочитаете преферанс... В твоём лице мы им подсунем троянского коня...

Пашка отродясь таких слов не знал, поэтому перекинулся с карточным шулером в дурочка... Во время игры ему популярно объяснили, что к чему, а полученные щелбаны (игра шла на них, родимых) закрепили полученные в ходе обучения знания, навыки и компетентность.

Цыган остановил свой цепкий взгляд на его мозолистых и грязных руках:

— Н... да... А руки-то рыбацкие... Надо будет их отмочить в молоке молодой ослицы... Иначе на первой же проверке вычислят и спалят...

Пашка осмотрел свои руки. Руки как руки. Иных нет. Но с использованием молока молодой ослицы согласился.

— Смотри мне прямо в глаза! — Колдовал тем временем своим мистическим взглядом сын вольного цыганского табора. — Смотри и запоминай... — Пашка взглянул и в момент отключился. — Слабак! Его еще долго надо учить! — посетовал он атаману.

Через месяц Пашка уже мог смотреть ему в глаза и не дуреть. Постороннему наблюдателю могло показаться, что они просто играют в игру, кто кого переглядит, не моргая. Но дело было в таинственном цыганском гипнозе...

— Я тебе, сынок, объясню, что с тобой должно случиться и как ты себя должен будешь вести... — по-отечески говорил ему Цыган, а атаман одобрительно кивал головой. — Мы тебя подбросим персам в качестве приманки... Ну как «подбросим»? Якобы забудем при поспешном отступлении, а ты якобы все проспал... Пьян был... Понятно? Ну, так вот... — продолжил он дальше свои инструкции и наставления...

* * *

Через неделю Пашка проснулся на безымянном морском побережье, возле догорающего костра, один среди покинутого казачьего лагеря. Он услышал за спиной приближающиеся шаги. Он знал, кто это, и потому ничего не делал. И даже когда на него

набросились и крепкие руки стали вязать его толстой веревкой, он ничего не сделал, чтобы помешать этому. Было тревожно, но страха он не почувствовал. Вместо него ему на ум пришли слова Цыгана, сказанные неделю назад: «Они тебя свяжут и даже побьют, но не сильно, потому что сразу увидят в тебе очень важную персону... Почему? Потому, что ты будешь одет в дорогую шелковую одежду, шитую золотом и жемчугом, на шее будет толстая золотая цепь с увесистым крестом, а на пальцах дорогие перстни с уральскими самоцветами. В карман мы тебе положим кошелек с золотыми дукатами, а на поясе будет висеть дамасская сабля в золотых ножнах...»

«Все так... Все на мне... — анализировал он, пока его брали в плен и разглядывали воины бакинського шамхала. — Сейчас они начнут меня допрашивать, и я им все выложу как Цыган меня учил... — и словно как заклинание, повторял себе: — Я очень важная персона, поэтому буду разговаривать только с тоже очень важными персонами...»

И такая встреча состоялась. Его привели к начальству, одетому так же, как и он, и с дамасской саблей в золотых ножнах на боку.

«Теперь они должны будут меня отправить в Астрабад, к шахскому наместнику Мамед-хану Астаринскому... — Вспомнил следующую страницу их плана „троянский конь“ казачьего войска. — Что ж... Неплохо, неплохо... И бока не сильно помяли, и уже кумыс предложили... Будем далее ломать цыганскую комедию... А что дальше? А дальше я должен повторить цыганскую грамоту...»

В памяти всплыла хитрая морда сына кочевого народа:

— Самое главное — не бояться и помнить, что мои цыгане постоянно будут где-то рядом с тобой находиться и ты с ними будешь поддерживать связь... Запомни, сынок, нашу цыганскую грамоту... — Он разложил перед ним карты. — Каждая комбинация карт будет что-то означать... Их всегда будет не меньше двух... Запоминай... — И он начал показывать ему разные комбинации карт, объясняя, что они значат...

— Хитро! — подивился тогда Пашка. — Нам до такого самим не додуматься...

* * *

Итак, его везли на небольшом быстроходном судне, которое персы называли «бусой», а русские — «сандалей». Везли по всем приметам в Астрабад в резиденцию Мамеда-хана Астаринского. Руки ему не связали, но поставили возле него десять кызылбашей («красноголовых», то есть с красными верхушками тюрбанов, знаком верности шиизму) со зверскими выражениями лиц. Таких головорезов он даже в ватаге-шайке Степана Тимофеевича не видывал.

По дворцу Мамеда-хана в Астрабаде разгуливали важные павлины, и на пальмах повсюду чирикали неугомонные попугаи. Дворец окружал вечнозеленый сад с фонтанами, живой изгородью, клумбами южных цветов и вымощенными дорожками. Рай, да и только.

«Гм... Про это Цыган мне ничего не говорил... — Первый раз уличил своего наставника в неточности Пашка. — Повторим цыганскую грамоту... — решил он еще раз освежить свою память умственным упражнением. — „Но самое главное, — неожиданно вспомнил он одно из наставлений своего инструктора, — опасайся женских чар: там есть такие гурии («райские девы»), что запросто сведут тебя с ума...“»

Вспомнил он это, заметив в саду одинокую женскую фигуру, гуляющую среди кустов цветущего жасмина. Юный девичий стан взволновал его воображение, впрыснув в его молодую и горячую кровь дикую порцию серотонина.

Мамед-хан долго всматривался в его лицо, изучая психотип пленника: белокур, голубоглаз, богато одет и совершенно спокойно держится...

«Кто он? — размышлял хан. — Сразу его на кол посадить или допросить с пристрастием? Пытки огнем развяжут ему язык, а потом в нефть его обмакнуть и факел для вечеринки сделать? Устроим для него очную ставку...» — решил он и велел привести какого-то колодника.

«Мамед-хан не дурак! — вспомнил он слова Цыгана. — Смотри ему прямо в глаза. Сумеешь выдержать его взгляд, считай, ты его победил! А чтобы его победить, ты должен научиться смотреть мне в глаза! Мои сильнее...»

Хан внимательно взглянул на его белые ручки, не привыкшие к тяжелому физическому труду.

«Этот явно ничего тяжелее хлыста в руках не держал...»

«Рассматривает мои руки.. — поймал на себе его взгляд пленник. — А ручки-то у меня беленькие! А ручки-то у меня холенькие... Ух, Цыган! Вот мозг...»

Следующий момент этой истории стал самым критическим. Момент истины! Фактор неожиданности. Пашка увидел «черного лебедя». Личная охрана шаха вкатила какую-то небольшую телегу, на которой стояла дубовая колода с несколькими вырезами, в которых торчали голова и руки осужденного преступника. Лицо было покрыто шрамами и обгорело на солнце.

Оно было настолько изуродовано физическими муками, что Пашка не сразу узнал, кто это. Но «этот некто» его сразу узнал:

— Пашка! Пахан! Ай... — еле слышно прошептал незнакомец, и пленник признал в этом истерзанном теле пропавшего без вести Корнея. — Помоги... Мочи уже нет терпеть это...

Тут же Мамед-хану толмач перевел его слова.

— Паша аль-Па-хан! — задумчиво повторил наместник Астрабада, понимая, какая крупная птица попала в его сети.

И похоже, данная проверка сыграла свою роль. Хан подтвердил его статус «почетного пленника» и пригласил «Пашу аль-Па-хана» на чай как равный равного...

* * *

Его поселили в отдельно стоящий внутри ханского сада домик. Никто его не охранял, потому что бежать было некуда, да и незачем. «Золотая клетка». Кормили на убой — все приносили с ханского стола. Раз в неделю водили в баню, а после бани приглашали на собеседование к шаху. И наш Пашка уже через месяц такой жизни поймал себя на мысли о том, что это самый лучший период его жизни — он достиг вершины, лучшего и быть уже ничего не может! Он ощущал себя попавшим в рай.

«А персы — культурная нация... — думал пленник, наблюдая каждый день за нравами и обычаями своей „тюрьмы“. — Правда, как помешанные читают все время какие-то стихи... А так ничего, и поговорить о рыбалке даже можно...»

Наблюдаемый им Астрабад существенно отличался от вспоминаемой им Астрахани. Обе каспийские звездочки светили по-своему, но единственное, что их объединяло, была каспийская жара.

Астрабад (он же Горган: «Земля Волка») располагался в тридцати километрах от побережья Каспийского моря и в те времена находился в зените своего процветания. Двести лет назад городским головой его был сам поэт Алишер Навои. Поэтому в покоях ханской дочери звучала его любовная лирика, а на половине ее сурового отца декламировались рубаи Омара Хайяма. У каждого были свои предпочтения.

Каждое утро шах выгуливал в парке своих домашних тигров. Ведя их на поводке, он осматривал новые распустившиеся цветы и выслушивал доклады своих подчи-

ненных, которые гурьбой следовали за ним по пятам. В народе ходили упорные слухи, что нерадивых чиновников хан тут же скармливал своим питомцам. Пашка сам лично этого не видел, потому утверждать о подобных суровостях ханского дворца не мог. Но ханский визирь утверждал, что он пережил немало своих предшественников, и не советовал никому ставить ему подножку.

«Запомни, — вспомнил он наставления своего цыганского гуру, — хан — большой поклонник китайской культуры: любит китайский чай, дома ходит в китайском шелковом халате, коллекционирует китайский фарфор...» И действительно весь фарфор, который китайские купцы привозили по Великому шелковому пути на Каспий, проходил через его руки. Его дворец ломился от дорогого и старинного китайского фарфора и был больше всего похож на современный музей изящных искусств.

В этой чудной стране юного пленника все удивляло, все вызывало неподдельное любопытство. И больше всего его любопытство привлекала «райская дева» этого вечнозеленого сада, которая, как он выяснил, была любимой ханской дочерью.

— Черноглазая! Большеюкая! — романтически восхищался он ею. — Какая удивительная девушка! А какая у нее прозрачная кожа! А запах! Что за запах? Благоухающая смесь шафрана, мускуса и амбры... — Он мысленно представил себя в ее объятиях и понял, что только в них он сможет обрести бесконечное блаженство. — А имя! Как оно благоуханно звучит... Жасмин...

Особенно во дворце шаха ему нравился домашний зверинец, состоящий из различных экзотических животных. Больше всех ему понравился слон, с которым он успел подружиться, начав подкармливать его различными фруктами и овощами. А когда ему сказали, что на этом слоне любит кататься шахская дочка, упросил дрессировщика зоопарка научить и его тоже на нем ездить.

Садовник ему объяснил, что цветущий в саду цветок жасмин с давних времен считается цветком любви. Это цветок-афродизиак, который специально выращивали для восточных шахов и султанов.

Как-то к нему в «тюрьму» наведалься сын Мамед-хана, молодой хан по имени Шабан-Дебей, которого Паша аль-Па-хан стал про себя называть «Шаболда-ханчик». То, о чем этот «ханчик» попросил его, сильно удивило бывшего волжского рыбака: он попросил русского гяура научить его правильно пить продукцию «зеленого змия»... Само слово «вино» было у них под запретом. Поэтому сало именовалось как «оленина», а «огненная вода» проходила как «яд зеленого змия».

— Я слышал, — объяснил свое желание юноша, — что слабые духом спиваются до скотского состояния... Но есть методики, как, например, Омара Хайяма, которые возводят страждущего духом на вершины философского анализа и поэтического экстаза...

Выяснилось, что следующим летом Шабан должен будет ехать ко двору падишаха, который подозрительно относился к трезвенникам, потому что сам был тайным алкоголиком.

— В этом деле главное — упорные тренировки и постоянные упражнения... — многозначительно отвечал неверный. — Но самое главное — качественный «лабораторный материал»...

В этом деле им помогли армянские купцы.

А с Хвалынского моря чуть ли не каждый день приходили обнадеживающие новости: казаки в очередной раз взяли на приступ какой-то караван, разграбили такое-то селение, там-то побили военных и т. д. и т. п. Торговля встала, в народе начали расти ропот и разгоняться страхи. Хан пытался разобраться в текущих событиях, поэтому допытывался у своего пленника о военных хитростях казачьей ватаги. Выдавал только те «секреты», которые ему разрешил Цыган.

В один из дней во дворец к хану пришли известия о том, что вблизи города Решта с казаками произошел тяжелый бой. Стороны пошли на вынужденные переговоры о мире. Но переговоры, не успев начаться, были прерваны — по приказу шаха Сефи казаки-переговорщики были арестованы и закованы в кандалы. Одного для острастки других затравили собаками. В ответ на этот беспредел казаки взяли и разграбили город Фарабат. Там они зазимовали и, как могли, укрепили городок...

Как-то гуляя по тенистым аллеям сада, он увидел торчащие из зеленой изгороди игральные карты. Пришло первое сообщение по цыганской почте. Взглянув на них, он понял, что от него требует «Центр».

«Требуют, чтобы я помог Корнею! — поспешно спрятав в карман „послание“, задумался он. — Но как это сделать? Они что, думают, я тут всемогущий джинн? Просто так взять и освободить его? Чтобы сделать это, я должен выбраться из этой „золотой клетки“...»

Ханский повар доверительно поведал ему, что пленника ежедневно нукеры возят по городу на базар, где над ним издевается всякий желающий, забрасывая его различного рода нечистотами. А по пятницам его сажают в бочку с жидким дерьмом и возят по всему городу, а над головой стоит палач и каждую четверть часа взмахивает над бочкой своим острым кривым мечом. И если узник не нырнет в жижу, голова его скатится на землю... И так весь день — от восхода и до заката...

— Очень гуманно... — заключил свой рассказ повар. — Если бы это было каждый день, у палача вконец оторвались бы от усталости руки...

* * *

Утром у себя на подоконнике своей комнаты он получил очередное цыганское послание — две карты (шестерка вини и джокер, на шапке которого были нарисованы два бубенчика). Что бы это значило, он так и не понял. Зато точно знал, что первая карта предупреждала его о какой-то серьезной опасности.

В обед он был приглашен к столу хана и стал свидетелем такого разговора:

— Отец! — обратилась к Мамед-хану его красавица дочь. — Я прошу тебя отдать мне пленника, чтобы он научил меня русскому языку.

— Зачем тебе учить русский? — Поморщил лоб сердобольный родитель. — Ты и так знаешь уже восемь языков!

— Мы должны знать, какой грозный лев живет у нас на севере! — резонно возражала она ему. — У этой белокурой бестии опасный оскал.

— Ну, хорошо. Но с одним условием. Мы должны будем его сделать евнухом, таков закон...

— Зачем ему отрезать что-то, достаточно его честного слова! — возражала девушка, противница подобных радикальных мер. — Он из благородных, может выйти международный скандал...

— Нет, дочка, для твоей же собственной безопасности мы должны будем отрезать ему его бубенцы! — настаивал на своем сердобольный родитель. — Без своих «терлям-бум-бум» он будет безопасен и спокоен...

Девушка не соглашалась, отец настаивал на своем. Их деликатный спор немного затянулся.

Пашка, уже начавший к тому времени немного понимать фарси, догадался, что речь идет о нем и о каких-то «бубенчиках» («терлям-бум-бум»). Когда же толмач разъяснил ему, в чем суть их семейного спора, пленник понял, о чем предупреждала его утренняя почта...

После этого к нему приставили самого противного евнуха, который следил за ним и днем и ночью. Даже когда он сидел (pardon) на толчке, за ним поднюхивал и подсматривал этот всепронзырливый тип.

Тотальная слежка, зато «бубенцы» остались целы...

* * *

Уроки русского языка стали проходить каждый день.

Ученица была прилежной и очень старательной.

Учить ее было одно удовольствие. Только старый евнух все портил и совал свой нос туда, куда этого не следовало бы делать. Но как бы он ни пыхтел своим злорадством, взгляды влюбленных все равно встречались и все дело шло к тому, что рано или поздно должно было произойти первое соприкосновение их рук.

И оно случилось, когда юноша передал девушке книгу. От неожиданности она вскрикнула и потеряла сознание.

— У принцессы лихорадка! У нее жар! — засуетился евнух. — Срочно лекаря! Лекаря сюда!

Началась паника, переполошившая не только ханский дворец, но и весь город.

— Так... Ты, развратник, пристаешь к моей дочери, а это харам! — объявил юноше хан, сурово нахмутив брови. — За это ты будешь казнен! За прелюбодеяние у нас сажают на кол...

— Гм, так и у нас тоже!

— Этим мы, персы, похожи на вас, русских!

— Но у нас с ней ничего пока еще не было!

— Если выдашь главный секрет своего разбойничьего войска и подскажешь, как его одолеть, так и быть, награжу тебя по-царски! — пообещал пленнику хан.

— Выдашь свою дочь за меня замуж?! — с надеждой спросил его тот.

— Нет, оставляю тебя мужчиной, чтобы ты мог иметь наследника...

Пленник разочарованно вздохнул, но всерьез отнесся к ханской угрозе. Шантаж тоже входил в тайные замыслы Цыгана. И он после некоторых колебаний поведал хану как на духу то, что ему ранее прописал Цыган...

— Так... — Расправил хмурь на своем лице хан. — Значит, все награбленное казаки прячут на Свином острове вблизи Баку... — Юноша обреченно кивнул головой. — А не врешь? — Тот отрицательно ею замотал. — Ладно, на сей раз поверю и прощаю... Но гляди у меня... Я собираю большой флот. Пойдешь со мной. Но если солгал, найдешь смерть прямо в море...

— Это тебя, о могучий хан, подстерегает в море смерть... — начал вешать обещанную лапшу ему на уши казачий лазутчик. — Пираты только этого и ждут...

— Объясни...

— Казаки нападают на легких ладьях на корабль со всех сторон... — объяснил пленник. — Облепляют его, как мухи, и грабят. Они так поодиночке растащат твой флот в разные стороны... В том залог их успеха...

— А что делать?

— Я видел, как они сами поступают во время боя, когда на них нападают более проворные пираты... Они скрепляют свои суда цепями и создают единую линию обороны...

— Хитро... — призадумался хан. — Идея хорошая... Надо будет ее как следует обмозговать на досуге... — И тут ему пришла неожиданная мысль: — А тебе что, и впрямь

нравится моя дочка? — Парень утвердительно кивнул головой. — Давай заключим с тобой пари: если ты проберешься к ней тайно, минуя всю охрану, и сорвешь ее нежный цветок аленький, то так и быть отдам ее тебе в жены, а если нет — голова с плеч... У тебя на все про все будет три попытки...

Парень не думая согласился.

* * *

«А собственно, чем я рискую? — размышлял на досуге хан относительно полученной от пленника информации о тактике пиратов. — У меня пятьдесят судов, семь тысяч воинов, пушки, пищали... Если даже он врет, численный перевес на моей стороне. А он, судя по всему, врать не будет... Уж больно сильно влюблен в мою дочь... Ради нее он на все готов будет пойти... Поманю его ею, а там и на кол посажу... Наступит весна, выйдем в море и там со всеми разбойниками разберемся...»

Шах взглянул на своих ручных тигров, которые мирно лежали возле его трона и мысленно пожелал им приятного аппетита.

— Ну, сорвать мой нежный цветочек аленький — дело не хитрое... — призадумалась Жасмин, когда пленник поведал ей условия заключенного с ее отцом пари. — А вот как обойти всю эту стражу? Я нахожусь под сигнализацией системы безопасности все двадцать четыре на семь...

— Будем думать... — обнадежил ее влюбленный. — Ведь твой отец уже пошел нам навстречу: заключил пари! Теперь надо придумать, как вывести эти систему сигнализации из строя...

Явившийся к нему на урок Шабын-ханчик «притащил» в качестве «лабораторного материала» две бутылки армянского коньяка. Для храбрости — в самый раз! Оставив любознательного юношу декламировать застольные рубаи известного персидского поэта, в ту же ночь влюбленный пошел на решительный приступ неприступной цитадели.

Недолго думая, он решил взять ее приступом в лоб. Оттого и получил по лбу. Дождавшись полночи, он прокрался под окно комнаты своей возлюбленной, которая располагалась на третьем этаже ханского дворца, и стал проворно взбираться по лозам дикого винограда, который оплетал фасад здания до самого верха.

И он достиг цели — влез в окно ее спальни и осторожно спустился с подоконника на пол.

«Фу! — подумал он в ту минуту. — Как легко! Даже как-то неинтересно».

Кровать с массивным балдахином стояла посередине спальни, и до нее было уже подать рукой, как вдруг во тьме раздался предательский крик попугая: «Пираты! Пираты! Пираты!»

В следующую секунду двери спальни широко распахнулись, и в нее ворвались караулившие за дверью в коридоре ночные стражники. Его схватили и, держа вниз головой, поднесли к кровати.

— А он проворный тип! — раздался голос отца-хана, который, распахнув балдахин, показался лежащим в кровати в своем парадном мундире. — Все-таки залез! Ха-ха... Думал, что у нас все так просто! Нет, парень, не все... — За стенкой послышались грозные рычания оголодавших тигров. — Нет, нет не сегодня... Дайте им какого-нибудь козла... Этого мы им оставим на потом... — приказал он своим нукерам и, обратившись затем к парню, добавил: — Будем считать, что первую попытку ты спалил впустую... Вышвырните его в окно, из которого он сюда залез, — велел он своим нукерам, и те поспешно исполнили его приказ.

«Ну и баран же я! — ругал себя юноша, оказавшись в кустах сирени уже в нижней части сада. — Но у меня еще осталось две попытки... Эх, Цыгана бы сейчас сюда, мы бы с ним в момент сумели увести из стойла эту породистую лошадку...»

* * *

Весть о его неудачном полете из окна быстро разнеслась по дворцу.

— Хорошо, что только выкинули в окно... — посочувствовала его несчастьям Жасмин. — Могли бы и тиграм скормить...

— Ума не приложу, что теперь делать? — Разминал свое зашибленное плечо юноша. — Там каждый шаг находится под контролем стражников твоего отца.

— Умеешь играть на каких-нибудь музыкальных инструментах? — поинтересовалась у него красавица.

— Ага, могу! — Утвердительно кивнул он головой. — На деревянных ложках...

— Придется научиться... — Сунула она ему в руки какую-то бандуру. — Будем брать стражу измором на износ... Предпримем психологическую атаку...

Чуть стемнело, как к ханскому дворцу на любимом слоне принцессы Жасмин подъехал юноша и, остановившись под ее окнами, взял в руки музыкальный инструмент. Что было потом? Потом он два часа мучил струны, играя не столько на них, сколько на нервах шаха и его стражников, которые поначалу начали над ним смеяться, потом морщиться, а под конец уже взвыли от этой пытки ужасными звуками. Слон стоял как ни в чем не бывало, поскольку ему заблаговременно заткнули тряпками уши.

— Да заткните его хоть кто-нибудь! — сердился сам хан с уже перевязанной баным полотенцем головой. — У тигров понос уже случился...

Кто-то додумался показать слону мышь, и тот, взбесившись, ринулся прочь, сметая все на своем пути. Проломив ограду сада, он понесся по узким лабиринтам городских улиц. Страже пришлось бежать за ним, чтобы вернуть ускокавшего на его спине седока. Слон влетел в какую-то посудную лавку и там застрял.

— Меня атаман в разведку сюда заслал! — ворчал незадачливый его наездник, выбираясь из-под завалов разрушенной лавки. — А я чем тут занимаюсь?! На слонах катаюсь! Мать вашу!!! Но уже одно хорошо: в первый раз выбрался в город народ посмотреть...

И его тут же вернули обратно в золотую клетку ханского дворца.

* * *

На следующую ночь юноша вновь явился под те же самые окна уже на хромом верблюде, но с тем же самым инструментом игры на чужих нервах.

— Он что, над нами решил издеваться? — возмущался хан, нервно ходя из угла в угол в своей опочивальне.

— Спустить на него собак? — предложил визирь.

— Верблюд их не боится... Придумай что-нибудь более умное...

— Облить его кипятком...

— Я сказал, придумай такое коварство, чтобы оно его размазало, как масло по горячему хлебу... — С презрением посмотрел на него хан. — Коварное, а не этот детский идиотизм...

Министр задумался.

— Есть одна идея, но только она вам может не понравиться...

— Говори...

— Его надо заманить в вашу ханскую сокровищницу, чтобы свести его с ума...

— Хорошая, между прочим, идея... — реально задумался хан.

— Подкинем ему записку, в которой будет говориться, что принцесса Жасмин назначила ему там свидание... — Ухватился за эту историю визирь. — Он туда явится, мы его там закроем на пару дней и будем через смотровое окошко наблюдать, как он станет сходить с ума от сокровищ вашего высочества...

— Действуй! — Дал добро на проведение этой операции Мамед-хан. — Мои сокровища и меня с ума сводят, а такой, как этот Паша аль-Па-хан, и вовсе должен превратиться в труху... — И, высунувшись в окно, уважительно произнес: — Слышь, Паша аль-Па-хан, заткнись, пожалуйста, а?!

* * *

Юноша готов был все ночи напролет брэнчать на струнах так и не ставшего ему родным музыкального инструмента, но дело с мертвой точки все равно не сдвигалось. Все нервничали, но выжидали, кто первым совершит неверный ход.

«Одному мне их всех не одолеть... — рассуждал юноша, прохладаясь в знойный полдень под ветвями тенистого сада. — Надо призвать на помощь цыган... Пусть подсобят...»

На том же самом месте, где он нашел в прошлый раз игральные карты, он оставил комбинацию из своих трех карт и в ожидании ответа пошел кормить своего любимого слоника.

«Запомни, — вспомнил он слова Цыгана, запихивая в хобот слона очередную морковку, — правоверные мусульмане пять раз на дню совершают намаз: (1) утренняя (рассветная) молитва (фаджр); (2) полуденная молитва зуhr (в промежутке времени от момента, как солнце отклоняется от зенита, до момента, когда тень от предмета становится равной самому предмету); (3) предвечерняя молитва аср (когда длина тени объекта в два раза превышает высоту объекта); (4) вечерняя молитва магриб (после захода солнца); (5) ночная молитва иша (идет через полтора часа после вечерней молитвы). По ним будешь определять время. Муэдзины кричат с минаретов, призывая их на молитву... Когда они молятся, то ничего вокруг себя не замечают... Это самое уязвимое для них время, когда можно действовать...»

«Так, все ясно... — что-то решил он. — Дождемся вечернего намаза и посмотрим, что у нас там получится...»

Как впоследствии удалось выяснить, некий дамаский еврей предложил в тот день местным вора́м принести ему за большое вознаграждение ханских попугаев, которых у того было две дюжины голов. Воры не могли пройти мимо такого куша и ринулись на ночной приступ дворца правителя. Естественно, сработали все секретные закладки ханской безопасности — во дворце начались форменный переполох и беготня.

«Пора!» — решил наш пленник и сам со всех ног побежал... но только не к дворцу, а прочь от него.

Следивший за ним старый евнух неотступно следовал за ним, совершенно не понимая, куда и зачем он бежит. А бежал он на рыночную площадь, где в колодке сидел уже ранее упомянутый нами казак Корней. Был четверг, а следующую за ним пятницу он мог уже не выдержать.

Оказавшись на пустынной ночной площади, евнух потерял из виду объект своей слежки и растерянно начал озираться по сторонам. Не успел он ничего увидеть, так как сильный удар по голове тупым предметом лишил его чувств. Когда он пришел в себя, то понял, что сам находится в колодах, на месте преступника-иноверца.

— Помогите! — начал было кричать он, но сильный удар в челюсть лишил его способности говорить.

— Думаешь, они не заметят подмену? — спросил молодой казак старого казака.

— Они на мою рожу давно уже не обращают внимания. — Махнул рукой освобожденный из позорного полона Корней. — А если этот будет только мычать своей выбитой челюстью, его никто и не поймет... А через день меня ищи-свищи... Давай возвращайся в свой гарем, а мне к морю пора...

Казаки обнялись (больше казацкой братской дружбы и быть ничего на свете не может!) и разбежались в разные стороны...

* * *

Утром на известном нам подоконнике вместо цыганских карт появилась записка на ломаном русском языке. По кривизне русских букв Пашка понял, что писала его ученица. Из прочитанного он понял, что она приглашает его на свидание в укромное место (план маршрута прилагался ниже надписи).

— Куда пропали мои попугаи? — орал с утра хан. — Куда они улетели?

— Вчера вечером во дворце шастали какие-то подозрительные лица, говорившие, что они уборщики... — доложил ему один из его министров. — Но ни метел, ни тряпок у них в руках не было...

— По моему дому бродят какие-то проходимцы, а мои министры ничего об этом не знают! — взорвался снова гневом правитель Астрабада. — Какого... — и он тут употребил нецензурное слово, которое мы не вправе воспроизводить в тексте нашего собственного рассказа, — вы вообще тут у меня на диване, — в кабинете министров, — делаете?!

Ответом был дикий трепет, который прошелся по рядам незадачливых чиновников, которые в тот момент уже мысленно успели попрощаться со своими жизнями.

— Осмелюсь доложить, о великий, — поспешил разрядить грозовую ситуацию главный визирь, — Паша аль-Па-хан уже отправился по указанной вами схеме в тайное подземелье...

Данная новость отвлекла внимание хана от праведного гнева, и он сменил тему на более интересное занятие. С некоторых пор преследование незадачливого женишка своей дочки он стал воспринимать как забаву, как охоту на редкостную по своей глупости дичь.

В тот раз все опять пошло не так, как замышлял коварный визирь. В дело вновь вмешался случай. А именно то, что гуляющая в саду Жасмин вдруг увидела крадущегося куда-то своего возлюбленного и, приревновав его к таинственному объекту внимания, решила проследить, куда, а самое главное, к кому именно он так тщательно крадется.

Извилистая дорожка привела их к подземелью ханского дворца. Сцену ревности и шумной разборки молодых мы описывать не будем, скажем только, что когда они разобрались, то пришли к однозначному выводу: подстава!

— Узнаю почерк своего отца! — призналась Жасмин. — Это он! Сомнений быть не может... Предлагаю подыграть ему и устроить для него самого ловушку-капкан... — Она задрала подол своего платья и сняла одну из семи своих юбок черного цвета. — Сделаем вид, что мы грабители и пришли похитить его драгоценности... — предложила она свой план, разрывая юбку на несколько частей. — Сделаем из юбки себе маски и посмеемся над провокаторами...

План так себе, но в тех условиях и он мог сработать. Выбирать не приходилось. Приходилось импровизировать уже по ходу самих событий. Девушке пришлось снять

с себя еще пару юбок, чтобы на скорую руку смастерить из них мешки. И хотя оба в первый раз шли на такое криминальное дело, в их действиях чувствовались профессиональный опыт и ощущение собственной безнаказанности: «Все равно, — думала девушка, — у своих берем... Да и не воруюм вовсе, а так просто слегка хулиганим... Возьмем, а затем все равно ведь вернем...»

Секретная кладовая представляла собой каменный мешок, практически доверху набитый различного рода драгоценностями — от золотых и серебряных монет до различных ювелирных изделий, представляющих музейную материальную ценность.

— Ого! — только и мог воскликнуть юноша, никогда в своей жизни не видевший подобного рода антиквариат.

— Что «ого»?! Два столетия мои предки собирали эти богатства... — пояснила ему его проводница в мир прекрасного. — Столько всего скверного совершили для того, чтобы ты сейчас сказал просто «ого»!

Но тут внимание их привлек какой-то нестандартный предмет. Приглядевшись к нему при свете коптящего факела, они увидели нечто, что совсем не ожидали здесь увидеть.

К массивной колонне золотой цепью был прикован скелет, на шее которого блестел золотой обруч.

— Кто это? — отшатнувшись в сторону, спросил у своей спутницы Пашка, чувствуя, как все внутри него холодеет от ужаса.

— Согласно нашему семейному преданию, — обыденно отрапортовала Жасмин, — это индийский принц, которого так казнил мой дед за то, что тот позволил себе взглянуть на одну из его жен без паранджи...

— Так и меня ждет подобная участь?

— Нет, тебя отец обещал скормить своим тиграм... — Пашка заметно погрузтел. — Ты чего?

— Не хочу быть кошачьими кашками... — проглатывая ком в горле, отвечал парень. — Тигр, конечно, кошка царских кровей, но он всего лишь кошка...

— Времени в обрез! Некогда любоваться! — поторопила своего спутника девушка. — Давай набивай мешки золотишком... — В ее устах этот призыв прозвучал как широко известный еще со времен седого неолита призыв: «Грабь награбленное»...

Молодые люди весьма быстро забили мешки сокровищами, и Жасмин торжественно водрузила их на своего ухажера.

— Я словно нагруженный осел... — согнувшись под тяжестью мешков, пошутил он.

— Терпи...

«Сюда бы наших казачков, — подумал Пашка, кovyляя в обратную сторону, — они бы вмиг этот склад сокровищ растащили...»

— Что там? — спрашивал хан, стоя вместе с визирем и с отрядом янычар возле слухового окна сокровищницы, которое служило одновременно и вытяжкой.

— Он пришел... — отвечал тот, заглядывая в узкую щель бойницы, — но не один... Осла с собой привел...

— Ну, я ему и за осла сейчас впаяю! — предвкушая скорую расправу над обидчиком, пригрозил ему хан. — Решил меня по-крупному грабануть! Мерзавец! — И хан спустил на грабителей всех своих верных «псов».

Без сомнения, их задержали и приперли к стенке. Одного («осла») поставили на четвереньки, а главного грабителя усадили на него сверху. Из разорванных мешков на пол высыпались золотые монеты и вываливались золотые кубки и другая драгоценная посуда.

— Ну что, гяур, доигрался! — радостно потирая руки, обратился к задержанной Мамед-хан. — Ты догадываешься, какое наказание я для тебя уготовил?

— Тиграм скормишь! Только подавятся они мною! — Сняла с головы черную маску-повязку Жасмин. — Или ты дочь свою родную не пощадишь?!

— А где он?! — осекся в своем жутком разочаровании недавний триумфатор.

— Я вместо него! И хотела бы знать, зачем ты устроил эту провокацию! — Пошла в открытое наступление на своего родителя Жасмин.

В той ситуации на «осла» вообще никто внимания не обратил. Он так и простоял в полумраке всю эту сцену, пока папа разбирался с дочкой, а дочка высказывала своему папаше все свои веские претензии.

«Нет, все так, с „осла“ взятки гладки... — думал юноша, чувствуя, как приятно по его спине ерзает пятая точка его возлюбленной. — Хорошо в зависимости от обстоятельств быть ослом... Главное, чтобы не заставили кричать по-ослиному...»

* * *

Пашка долго думал, каким образом ему израсходовать свой последний шанс похитить возлюбленную из строгих лап ее сурового родителя. И ничего лучшего, как переодеться в дервиша или в какого-нибудь звездочета, ему в голову не пришло. Правда, подаренный Жасмин попугай советовал ему пойти другим путем, но казак решил не слушать бред вздорной птицы.

— Если я прикинусь звездочетом, то хан примет меня за своего, — рассуждал он, с присущей ему наивностью, наклеивая себе длинную бороду и напяливая лохматый парик, — и, быть может, тогда не обратит никакого внимания...

И ведь нарядился, дурень, и ведь пошел. Правда, в таком виде далеко не ушел. Спалился на первой же заставе. А поскольку плана «Б» у него, как всегда, не было, пришлось бежать куда глаза глядят. Впрочем, надо полагать, бегать от погони было его любимым занятием. Именно на бегу ему в голову приходили самые оригинальные идеи. Так вышло и на этот раз...

Срывая на бегу с себя костюм звездочета, Пашка уже успел попрощаться с жизнью. Он бежал от погони, но вскоре понял, что бежать было уже некуда. Лживый звездочет устало остановился и обреченно посмотрел на стоящую на мраморном постаменте дорогую старинную китайскую фарфоровую вазу.

— Эх, пропадать, так хоть с честью... — решил юноша и, подойдя к вазе, демонстративно опрокинул ее на пол.

Та тяжело упала и разлетелась на множество осколков. Парень устало сел на ее мраморный постамент и скрестил ноги в виде лотоса. Через четверть минуты в залу ворвался уже сам хан с толпой своих верных янычар. Хан еще больше побагровел от увиденного: разбитая ваза и наглая физиономия какого-то лохматого типа его окончательно докончили.

— Ты кто? — заревел он, выпуская из себя пар гнева и лютой злости.

— Джинн... — спокойно отвечал мошенник. — Три тысячи лет сидел в этой вазе, теперь ты меня расколдовал, и я обрел свободу...

— А чем докажешь? — Изменился в голосе хан.

— Выполню три любых желания: два твоих и одно свое... Приказывай...

Хан почесал бороду и выдал самое сокровенное:

— Хочу быть падишахом... Вселенной...

Ханский визирь чуть было не подавился.

— Вообще-то, за такие мысли шахиншах люто казнит...

— Молчи, несчастный, — отвесил ему затрещину хан, который в тот момент реально почувствовал, что схватил Бога за бороду, — а то сам окажешься на плахе...

— Изволь! — как-то обыденно произнес «джинн» и громко щелкнул пальцами (он был мастером выдавать желаемое за действительное). — Второе желание...

— Хочу выйти замуж за принца! — неожиданно встряла в их мужской разговор ханская дочь.

— Нет проблем... — Щелкнул второй раз пальцами самозванец.

Хан опять взревел от ярости.

— Женщина! Куда ты лезешь! Вот дай бабам волю, они нам всю историю испохабят!!!

— Теперь мое желание... — изрек аферист, не давая никому опомниться.

— Какое?! — рассеянно спросил его хан.

— Отдай мне свою дочку на ночь...

Хан растерянно заморгал глазами и после некоторого замешательства (взвесив все «за» и «против») неопределенно (то ли «да», то ли «нет», то ли «не очень, но... так и быть... может быть...») махнул рукой:

— Ладно... Бери... Теперь можно... — последовал его обескураживающий ответ. — Я теперь падишах Вселенной! Я теперь могу все....

У Жасмин аж отвисла от удивления челюсть.

— Скажи, Жасмин, а сколько лет твоему отцу? — глядя вслед уходящему с важным видом новому падишаху Вселенной, спросил Пашка.

— Около шестидесяти будет...

— И он что, до сих пор верит в джиннов?!

* * *

Они сидели на ветви столетнего платана, стоящего посредине ханского сада, и она объясняла ему азы поэтического искусства:

— Ночь, звезды, сад, душистый аромат цветов и высокая поэзия любви и прекрасного — вот что такое культурное обаяние Востока...

Юноша было потянулся своими губами к запретному плоду любви, но строгая персиянка категорически преградила его устремлениям путь своей раскрытой ладонью:

— Нет, сначала о звездах и луне, а потом уже все остальное... — был ее жестокий и неумолимый приговор.

— Напоминаю, что вчера твой папа отдал тебя мне... джинну...

— Да, но я хотела выйти замуж за прекрасного принца, а не за чудовище... — последовал ее ответ.

— Как думаешь, — обратился Мамед-хан к своему визирю, стоя у корней платана, — такое «древесное» общение не оскорбляет королевскую честь?

— Они говорят о поэзии, а это, о великий, великое дело на пути к просвещению варварских народов...

— Ну, ладно... Разрешаю... Пусть поворкуют напоследок... — решил хан и зевнул (после вчерашней встречи с «джинном» он теперь стыдился сам себя). — Завтра все равно уже выступаем в поход... С этой молодежью я совсем утратил покой и сон...

А персидская княжна, прикрыв в поэтическом экстазе глаза, читала своему возлюбленному любовную лирику Алишера Навои:

Страсть красота рождает. Так в ночи
Горит костер от огонька свечи.

Сколь ни желанна красотой своей
Любимая, огонь любви сильней.
Так в горле соловья тоска звонка,
Что превосходит силу чар цветка.
Костер дымит, но ты его разрой —
И к небу вихрь взовьется огневой...
Когда огонь великий налетит,
Не только жизнь — он целый мир спалит.
Смягчается жестокий ум тогда,
Как в горне расплавляется руда.
Аскетов сонм смятеньем обуян,
Как вспыхнувший от молнии саман.
Та сила так сильна, что слон пред ней,
Как под ногой слоновьей — муравей.
Кто скажет: «Я влюблен!» — не верь ему.
Не каждый верен чувству своему.
Кто ищет только внешней красоты,
Томим тоской душевной пустоты.
В нем огонек и брезжит, может быть, —
Но на свече булат не размягчить.

«Меня эти стихи уже достали до печенки! — думал юноша, слушая нежное щебетание своей подружки. — Я уже начал рифмами говорить: „шафран — Иран“, „цветок — звонок“, „влюблен — пленен“, „соловей — хоккей“, „орда — белиберда“ и т. д. Еще чуть-чуть, и сам щебетать, как она, начну...»

Но все хорошее всегда когда-нибудь заканчивается. Завершились и их мирные дни в «раю» ханского сада-дворца. Наутро вострубили военные трубы, и они отправились в поход.

* * *

Жасмин ничего не стоило уговорить отца-хана взять ее с собой на морскую, как она выразилась, «прогулку». Любимая дочь! Ни в чем не знает отказа...

— Ого! — воскликнул юноша, увидев выступившую из города армию хана. — Ну и сброд! Прости Господи! Похлеще нашего будет... И где только он этих красавцев набрал? По такому войску можно смело заказывать панихиду...

Войско производило очень много шума и поднимало очень много пыли. Но само по себе это было разное, пестрое сборище непонятно кого, непонятно для чего названное армией. А самое главное — это была пехота, которую хан намеревался посадить на корабли и сделать из них матросов. Да, были пушки, и весьма неплохие. Но не было хороших пушкарей. Были ядра, но порох был настолько скверным, что годился только разве что для фейерверков.

Зато сам Мамед-хан сиял и радовался представившейся ему возможности во главе шумного парада проехать по городу и до моря, волны которого плескались в тридцати верстах от стен его Астрабада. Весь двор вышел проводить своего повелителя, словно он Александр Македонский, идущий покорять Индию, а не усмирять шайку русских казаков.

Приготовленные к походу корабли тоже были в разную масть. В то время, по-видимому, самого понятия военного флота не существовало, и каждая грузовая баржа мнила себя прекрасным фрегатом.

В общем, в море вышли под праздничный фейерверк и с богато накрытыми столами: хан угощал всех в преддверии ближайшей победы над врагом...

Принцесса Жасмин и Паша аль-Па-хан были неотлучно при нем.

Единственное, что заметил казацкий лазутчик, поднимая частые бокалы за здоровья своего полководца, так это то, что на всех судах были сложенные в пирамидку железные цепи...

* * *

На Свином острове (ныне остров Сенги-Мугань, близ Баку) разинцы стояли с весны того года. Отдыхали, загорали, рыбачили... Они вытащили на берег свои морские струги и ремонтировали их поизносившиеся от морского похода днища.

— У нас всего осталось пятнадцать больших морских стругов, оснащенные двадцатью большими и двадцатью малыми пушками, — докладывал атаману Цыган. — Раньше мы думали, что нас будет больше, но зимние шторма изрядно всех ушкуйников потрепали... Персы должны со дня на день нагрянуть... Может быть, пока не поздно, сняться с места и уйти в Астрахань?

Атаман нервно курил, не имея никаких известий от своего лазутчика. Пашка давно уже не подавал никаких вестей. Словно сгинул.

— Место встречи изменить нельзя... — многозначительно изрек он. — Будем ждать и надеяться на лучшее...

— А что слышно о нашем Пашке? — поинтересовался атаман.

— Корней говорит, что его персы забрали в гарем...

— Бедный парень! Искренне жаль его... Сгинул бесследно, но задачу свою выполнил... Ненапрасная жертва... Истинный казак! Ватага его никогда не забудет...

— Говорят, у Мамед-хана Астаринского появился какой-то новый советник, коварный Паша аль-Па-хан... — сообщил новость кто-то из казаков. — Сказывают, что он самый настоящий колдун: ездит на слонах и все ведает наперед, что да как будет...

* * *

Пир на флагмане персидского флота длился два дня. Ровно столько, сколько он бороздил просторы Хвалынского моря, чтобы прийти к указанной на карте точке предстоящего сражения. Все пиروвали от души, словно чувствуя, что это их последний пир...

Сладкая жизнь привела к тому, что у Пашки разболелся зуб и ему разворотило всю щеку. Сердобольная Жасмин пыталась его лечить, но из нее получился плохой стоматолог.

— Зуб надо вырывать! — сообщила она ему свое медицинское решение. — Иначе никак! Но как? — И тут она вспомнила про своего телохранителя, который специализировался на этом деле. — Я сама видела, как он однажды в драке выбил сразу три зуба одним ударом своего кулака...

Призванный ею костолом критически взглянул на парня и, добродушно улыбнувшись, двинул ему прямо в глаз.

— Ему надо не глаз выбить, а зуб! — в гневе закричала на него княжна.

— А я виноват?! — Простодушно пожал плечами тот. — Он сам увернулся от моего удара... Сейчас все сделаем в наилучшем виде... — пообещал он и снова приложился к пленнику на сей раз точно в челюсть.

Выбитый зуб Жасмин заботливо подобрала с палубы и, привязав его за шнурок, повесила себя на шею в качестве украшения.

И вот теперь Пашка смотрел на разворачивающееся перед ним сражение с подбитым глазом и выбитым зубом. По всему выходило, что он был первый, кто пролил кровь в этой битве.

А события разворачивались не в пользу его бывших поделщиков.

Увидев персидский флот, казаки обратились в ложное бегство прочь от острова. Персы погнались за ними.

Мамед-хан торжественно достал подаренную пару лет назад испанским послом га-ванскую сигару и важно взял ее в зубы. В следующую секунду вражеская пуля оторвала ему кончик сигары, и он деловито прикурил от нее, вызвав восхищение у всей своей армии, которая как завороченная смотрела на его великие полководческие способности.

Собственно, на этом все его великие полководческие способности и завершились. Он вальяжно курил, а его армия героически погибала. Если бы сигара была еще длиннее на пару дюймов, то от армии Мамед-хана и его самого вообще бы ничего не осталось. Но казакам хватило времени разгромить его войска ровно столько, сколько он курил.

— Смотри, атаман! — кричал своему вожаку один из старых казаков. — Персы скрепили свои суда железной цепью...

— Сработала, значит, наша хитрость! — усмехнулся себе в усы атаман и приказал казакам разворачивать оглобли назад.

Бежавшие дружно развернулись и ударили по ничего не подозревающим врагам. Те первоначально остолбенели. Пока персы чесались в замешательстве, казаки обрушили весь свой удар на флагман их флота. Корабль не выдержал такого натиска и загорелся.

Схватив в охапку княжну, Пашка перескочил на соседний корабль, который был еще цел. Мамед-хан с сыном и с другими придворными бежал на корабль, который был скован цепью с его флагманом с другой стороны.

— Это что они такое творят! — недоумевал хан, глядя, как его горящий флагман начинает медленно тонуть.

Казаки теперь рыскали повсюду, и везде, где они появлялись, возникал пожар. Корабли вспыхивали, как сухая солома.

— А что происходит, когда разбойники захватывают судно? — поинтересовалась у него Жасмин.

— Обычное дело: все грабят, а всех женщин насилюют...

— Это как?

— Очень быстро...

— Все пропало! — вопили в ужасе персы, бросая оружие и кидаясь за борт. — Спасайся кто может!

— Что делать? — Умоляюще взглянула персиянка на своего учителя русского языка.

— Раздевайся! — коротко скомандовал он ей, сам срывая с себя одежду. Княжна не возражала и через минуту стояла уже нагой. — Переодевайся! — велел он ей, протягивая свои штаны и рубаху. — Теперь ты будешь мной, а я — тобой!

— Но ведь тогда тебя изнасилуют!

— Ты посмотри на мою рожу! Кому я «такая красавица» сдалась!

Тонуший тяжелый флагман потащил за собой на дно и ближайšie суда. Казаки захватывали и топили одно судно за другим. Казалось, от них нет никакого спасения.

Когда главнокомандующему персидского флота доложили о боевых потерях, он схватился за голову. Когда ему сообщили о пленении его любимой дочери, он схватился за сердце.

— Если он мне не вернет дочь, — ревел от дикой ярости Мамед-хан Астаринский, — я этому Паше аль-Па-хану башку оторву и золотом ему глотку залью! — торжественно поклонился он, поспешно ретируясь с поля брани.

Разгром был полнейший.

Казаки захватили три десятка пушек. От них удалось спастись только трем судам, на которых были сам Мамед-хан и его сынишка Шабын-ханьч...

Атаман обозрел «поле» морской битвы. Кое-где догорали тонущие суда неприятеля, вокруг них плавали трупы вражеских солдат. Но и среди казаков безвозвратно ушло две сотни их побратимов.

— Говорят, княжну персидскую взяли в полон! — поинтересовался у своих сподручных атаман.

— Взяли!

— Мне уже не терпится с ней поближе пообщаться...

— Не советую...

— Что так?

— Я давеча было заглянул ей под чадру, а там такая рожа, Кривая, косая... Прости Господи, страшнее крокодила! Цыгана даже стошнило! Ржал так, словно сам жеребцом ретивым стал! Зато взяли также в плен ее брата Шабын-Дебей! Вот за этого «Шаболдая» мы точно можем хороший выкуп с его папашки истребовать... Жаль только, что он безусый — за бородатого можно было больше взять...

— Ладно... Вы эту убогонькую не обижайте... — проявил удивительную снисходительность к пленнице атаман. — Запишите ее за меня. Дескать, это я ее взял в жены, а то наш Филька ни перед чем не остановится... Ему все равно кого...

* * *

Казаки гуляли, празднуя свою победу две недели.

Бакинцы все видели, поэтому старейшины города решили: русы опять будут их грабить... Чтобы предотвратить это, их надо задобрить.

Баку уже в те времена был каспийским Вавилоном. Среди его армянского, грузинского и гиланского населения сразу же нашлось очень много тех, у кого родственники жили в России. Особенно их много оказалось почему-то в Астрахани. Среди победивших казаков тоже много оказалось астраханцев.

— Э! Слушай, дорогой, что нам делить? — говорили одни другим. — Ты у меня сейчас в гостях, завтра я у тебя... Э! Заходи, выпьем, поговорим, закусим... — И все несли, и все ставили на стол.

Над Каспием начинал дуть ветер перемен с преобладанием северных румбов...

Племенные рядовые персы были тут же обменены на спиртное, а для самых знатных персон был назначен «золотой выкуп». «Брата и сестру» поместили на отдельный захваченный персидский корабль, которым оказался чудом уцелевший личный корабль великого визиря Астрабада, на котором уцелел во время побоища его великолепный шелковый шатер.

— Будем считать, что это наш свадебный пир и свадебное путешествие! — Постарался увидеть во всем дурном все хорошее Пашка, ставший на неопределенное время персидской княжной. — Поедем ко мне на родину, я тебя со своей мамой познакомлю... Она у меня хорошая, хотя и приемная...

Восседа в Девичьей башне на банкете по случаю победы над персами, атаман милостиво даровал всем бакинцам казацкие вольности, и над старинной крепостью многократно прокатилось с чудовищным кавказским акцентом: «Любо! Любо! Любо!»

— Персы говорят о том, что они потеряли какого-то очень важного Пашу аль-Пахана, — доложили ему на другой день. — Утверждают, что за его голову шах обещают кучу золота...

— Сыскать и истребовать обещанную мзду! — коротко приказал он своим казакам, отвечавшим за подобного рода финансовые махинации.

Когда через две недели после морского сражения тяжело груженные добычей казачьи струги отвалили от бакинских берегов, на пристань вышла проститься с ними половина города. Другая половина не смогла поднять голов от прошедшего по городу буйного отвального пира.

Дорога домой выдалась тяжелой и нутужной. Струги шли медленно, хотя и при попутном ветре. Нагруженные добычей, они стали неповоротливыми и с низкой осанкой. К тому же за каждым стругом тянулся длинный хвост из скрепленных цепями винных бочек, которые заботливые и радостные бакинцы (радостные, потому что их никто больше не грабил!) отдали в дорогу все свои винные запасы.

И тянулись эти морские составы, раскачиваясь на волнах седого Каспия, на многие морские мили. Понятно, что над флотилией стоял тяжелый дух винного перегара. И достаточно было одной малой искры, чтобы все это враз воспламенилось и пошло рыбам на корм.

— Богато живет наш атаман... — озабоченно вздыхал Пашка, поправляя чадру. — По пути из Баку в Дербент перепились и утопили сразу три струга... А если еще налетит буря? Кто и с чем доберется до Астрахани?

— Он может все море застелить шелками и все равно останется богатым человеком... — возражал ему Цыган, отряженный самим атаманом для присмотра за именитыми пленниками. — Ты, кстати, для персидской княжны имеешь слишком революционные мысли... Ты вообще изменился... — многозначительно усмехнулся он. — Я когда тебя в этом наряде в первый раз увидел, чуть было от смеха не помер...

— Но все-таки не выдал меня атаману...

— Так мне до сих пор интересно, как ты будешь выпутываться из всей этой ситуации... То, что ты это сделал ради спасения своей возлюбленной, спора нет. Но что будет дальше? Я имею в виду, как она будет рожать?

— Ты думаешь, она уже беременна?

— И к цыганке не ходи... И когда вы только это успели?!

Дело не хитрое. Природа сама обо всем позаботилась...

* * *

В тот день и час, когда казачья ватага вошла в дельту Волги, стал для всех самым долгожданным праздником.

— Наконец-то! Вернулись! Дома... — слышалось со всех сторон. — Бог не выдал, свинья не съела! — Пашке пришлось долго объяснять своей подружке значение этой русской поговорки.

Та тяжело вздыхала, поняв, что при русском муже ей придется привыкать к свинине. Самое главное — не к свинскому отношению! Но поскольку их план работал безотказно, они решили пока придерживаться его.

А тем временем в календаре того года медленно, но верно надвигался Новый год, который тогда на Руси справляли 1 сентября.

Поэтому атаман приказал украсить свои струги и даже их покрасить.

И вот когда из-за острова на стрежень, на просторе речной волны показались родные астраханские берега и в глаза бросился белокаменный кремль, казаки невольно закричали «Ура!» и стали бросать в воздух свои казачьи шапки.

В Астрахани царские воеводы с тревогой взирали на то, с каким триумфом возвращаются из дальнего морского похода воровские шайки атамана Степана Тимофеевича и с какой радостью встречает их астраханская гольтьба: многие уходили босяками, а вернулись королями...

Толпа на берегу глазела и завидовала тому богатству, с которым казаки вернулись домой. В глазах черного тяглого люда они все теперь были боярами и князьями. Ярыжники кричали «Любо» и бросали вверх свои дырявые шляпы.

— Вознесся атаман! — ворчал главный астраханский воевода князь Иван Семенович Прозоровский, издали подсматривая украдкой за казацким весельем. — Царем себя возомнил! Вон с персидской княжной сидит и пирует! Надо будет его пощипать! Оберем его казенной данью, вот тогда и поглядим, кто у нас в боярах да в князьях останется...

Из Астрахани начался их поход за зипунами, в Астрахани он и завершился. А это значит, что надо было отпустить на волю всех своих походных жен, так как дома каждого ждала своя законная жинка.

— На волю! Всех на волю! — кричал грозный атаман. — Всем дать вольную! Да здравствует наша вольница!

У него самого за время похода таких жен сменилось два десятка. Поэтому, упразднив свой походный гарем, он решил одарить каждую богатым приданым. Поэтому на новогодние праздники атаман велел устроить прощальную «антисвадьбу», самый буйный на свете развод...

Веселились все от души, навеки расставаясь со своим прошлым. Казаки разъезжали вокруг городских стен Астрахани на своих богато убранных лодках, всех поили, и кормили, и задаривали подарками. На городских стенах толпы праздного народа с любопытством наблюдали за этим новогодним весельем.

— Зипуны добыли, мечту осуществили... — вздыхал во хмелю атаман, не радуясь завершению своего похода за зипунами. — А что нас ждет дома? Старая жена! Холодная постель... Скукотень! Нет, надобно, братца, на следующий год нам эту вольницу повторить... — Блеснула в его глазах снова похоть. — Вздохнем Волгу-матушку и Каспий-батюшку... Пошлем сарынь на кичку...

Отвальное застолье было смесью свадьбы и панихиды. Вокруг атамана жалась его многочисленные походные жены, и каждая старалась если не быть, то хотя бы выглядеть как любимая жена. Поздравить атамана с вольной пришло столько казаков-побратимов, что им не хватило в его челне места. Казаки стали роптать, дескать, бабам место на ладье нашлось, а нам нет. От этих упреков у атамана глаза налились кровью. Его окружение давно знало, что, если такое происходило и на его лице сдвигались черные брови — быть грозе...

— Чтобы я променял на баб своих боевых друзей! — вскричал Стенька. — Да ни в жизнь! Эй, девки! — обратился он к своим походным женам. — А ну все за борт! Вам здесь не место!

Женщины послушно «вышли» за борт и, ухватившись за край судна, поплыли рядом, бойко брызгаясь в речной воде.

Видя все это, Пашка решил действовать.

— Я сейчас для храбрости хлебну, — дал он сам себе установку, — и пойду с атаманом объясняться!

И он выпил, и он пошел.

— А эта шалава куда прет? — увидев его, возмутился атаман. — Что, и ей тоже приданое подавай? Вот наглая! Эй, Филька! — крикнул он скомороха. — А ну немедленно женись на этой персидской каракатице! Княжна все ж...

Филька, казацкий скоморох, потирая руки, было вознамерился обнять свою новую жинку, но та, проходя мимо него, грубо его оттолкнула, и казак кубарем полетел через борт в реку.

— Ах ты! Она еще драться вздумала! — нахмурился атаман.

— Да, кстати! — поддержал его идею Цыган. — Нам тут еще драки не хватало! Давай, казаки, кулаками мериться! Какая свадьба без драки?!

— погоди! погоди! — остановил его Стенька. — Я для начала эту шмару проучу!

Хоть и пьян был атаман, но в нем разыгралась удаль молодецкая.

— Иди сюда, бешеная! — схватил персиянку за стан и поднял над головой. — Охладишь, стерва! Не мучай нас своим кошмаром! — И он размашисто швырнул ее в набегавшую волжскую волну.

С астраханских стен все хором только ахнули:

— Утопил персидскую княжну в Волге! — прокатился по стенам изумленный шепот только что рожденных сплетен и слухов. — Ничего, дескать, атаману для Волги-матушки не жалко...

Увидев, как ее возлюбленного швырнули в реку, Жасмин неистово закричала и поняла, что от стресса у нее начались преждевременные роды.

— Ну вот, началось! — недовольно заворчал Цыган, приходя к ней на помощь. — И что бы вы без меня только делали?!

— Я, конечно, многое на своем веку видывал, — трезвел на глазах атаман, наблюдая за родами, — но чтобы такое...

— Так это персы! Чего ты от них хочешь! — старался смягчить ситуацию Цыган, принимая роды.

— Ну, все равно! — не унимался уже практически трезвый атаман. — Чтобы мужик... и вот так на скорую руку... рожать?

Услышав крик Жасмин, Пашка из всех сил бросился ей на выручку, по дороге срывая с себя намокшее женское платье.

— О! — Увидев подплывшего к судну уже без женской одежды Пашку, узнал его атаман. — А вот и наш Пашка объявился! Ты где, чертенька, был? За персидской княжной, что ли, нырял! Она того не стоит! Там такая, братец мой, рожа! Не советую... Утопила, да и хрен с ней!

Не обращая внимания на атамана, Пашка кинулся к своей рожаящей жене.

— Так это что? Твое, что ли?! — удивился атаман. — Ну ты, братец, и хват... Когда успел все сделать?!

— Что там у них за шум? — допытывался один астраханский воевода у другого, наблюдая за ними из-за зарослей речного камыша.

— Жен своих неверных топят! — отвечал ему другой. — Совсем озверел в басурманских странах, законов наших уже не признает!

— И что мне с ним делать? — спрашивал Цыгана Стенька, когда ему дали на время поддержать новорожденного.

— Ты его просто держи и ничего не делай! — отвечала цыганская повитуха, привыкшая принимать роды у коней. — Человеческий детеныш точно так же, как и жеребенок, ласки просит...

— Крестник, значит! — Посмотрел на него атаман. — Вот он, наш самый главный «зипун»! Быть ему великим казаком...

Ну вот, в принципе, и все...

А что было дальше? А дальше начались скучные серые будни: дом, работа, дети, быт... затем снова дом, потом снова работа, и снова дети, и снова быт... Ничего интересного...

О самом интересном мы вам уже все поведали...

Эпилог

Когда через два года царские войска входили под барабанный бой в сдавшуюся им на милость Астрахань, никто не заметил удаляющуюся от города в сторону кыпчакской степи одинокую цыганскую кибитку, в которой сидели двое мужчин и женщина с тремя маленькими детишками.

— К тестю в Персию пока не поедем, он что-то нынче не в духе... — поделился своими планами на будущее молодой. — Поживем покуда на своих вольных хлебах...

— Я бы тоже такое не простил... — поддержал разговор старший, тот, что был поцыганистей. — Умыкнул девку и в ус не дует...

— Тише, тише, дети... — успокаивала своих малышей мать-персиянка. — Вот приедем, папа сам расскажет вам, как он в молодости на слониках катался и караваны верблюдов грабил...

Молодой многодетный папаша тяжело вздохнул, и приятные воспоминания унесли его далеко-далеко за воды Хвалынского моря, на те счастливые берега его молодости, где он жил в «золотой клетке» персидской неволи и кормил морковкой своего любимого слоника...